

графской летописи: так же, как в рассказе Типографской летописи здесь говорится о том, что Иван III отзывает войска к себе в Кременец, „боящиеся татарского прехождения, а слушающая злых человек, сребролюбцев богатых и брюхатых“; так же как и в Типографской, супруга Ивана III, София Палеолог, обвиняется здесь в позорном бегстве; сподвижники ее именуется „кропивцами крестьянскими“, и на их головы призывается гнев божий.¹ Такого рода замечания, по мнению исследователей, „никак не могли иметь места в официальной великокняжеской летописи“.²

Верно ли это? Заметим прежде всего, что приведенный рассказ (с утверждением, будто Иван III слушал „злых человек, сребролюбцев богатых и брюхатых“) читается во всех почти летописях XVI века, включая и такие, официальный характер которых ни у кого не вызывает сомнений, например в Никоновской летописи. Если бы, наряду с рассказом, находящимся в Типографской летописи и Московском своде, существовал в конце XV века еще другой официальный рассказ об Угре, то он должен был, очевидно, как-то отразиться в летописании (особенно официозном) последующего времени. Однако, изучая рассказы об Угре в летописях XVI века — в Симеоновской, Воскресенской, Никоновской, в Хронографе, „Русском временнике“ и т. д. — мы не обнаруживаем в них ни одного элемента, которого не было бы в Типографской летописи или Московском своде.

Уже одно это обстоятельство делает весьма сомнительным противопоставление рассказа Московского свода, как неофициального, какому-то недошедшему до нас официальному рассказу от Угре. Но действительно ли рассказ, содержащийся в Московском своде, никак не мог читаться на страницах официальной великокняжеской летописи? Если мы, как и прежде, сопоставим данный рассказ Московского свода с рассказами других современных летописей, то убедимся во всяком случае в одном обстоятельстве: рассказ Московского свода не только ничего не прибавляет к критическим замечаниям по адресу князя, читающимся в этих летописях, но дает в общем наиболее дойальную характеристику его политики в 1480 году. В отличие от Софийской II—Львовской, а также местной летописи — Устюжского свода,³ Московский свод ни в какой мере не проявляет сочувствия братьям Ивана III;

¹ ПСРА, XXV, стр. 329; Погод. 1409, лл. 128, 129.

² К. В. Базилевич, ук. соч., стр. 138. Сходную мысль высказывал и А. Е. Пресняков в статье „Иван III на Угре“ (Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову, СПб., 1911, стр. 281—286). К. В. Базилевич (ук. соч., стр. 137—141) считал, что рассказ об Угре в Московском своде (Уваровском списке) составлен в митрополичьей канцелярии, никак, однако, не связывая этот вывод с общей характеристикой Московского свода в целом. Недостатком построения К. В. Базилевича является также то обстоятельство, что он совершенно не заметил совпадений между рассказом Московского свода и рассказом основного текста Типографской летописи (одним из двух рассказов Софийской II—Львовской). Предположение К. В. Базилевича, что некоторые черты протографа рассказа Московского свода сохранились в „Русском временнике“ — летописи XVI века, также не представляется нам убедительным. В „Русском временнике“ (ч. II, М., 1820, стр. 158—166) читается очень поздний вариант рассказа (близкий к рассказу Никоновской летописи), явно основанный на нескольких более ранних источниках (ср., например, дважды повторенное „Тогда же воева Минда Гирей царь Крымский королеву землю Подольскую“ — в середине и конце рассказа); упоминания об Ошере и Мамоне и о спутниках Софии — В. Б. Тучко и др., которые К. В. Базилевич возводит к протографу „Русского временника“ и Уваровского списка, в действительности взяты „Русским временником“ из второго рассказа Софийской II—Львовской.

³ Устюжский летописный свод, стр. 93.